

В диссертационный совет Д 503.001.01
при Институте законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации
(117218, г. Москва, улица Б. Черемушкинская, д. 34)

**ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА**

на диссертацию Гутникова Олега Валентиновича на тему
«Гражданско-правовая ответственность в отношениях,
связанных с управлением юридическими лицами»,
представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

В российской доктрине гражданского права учение о гражданско-правовой ответственности является центральным для развития как науки, так и правоприменительной практики, особенно в условиях рыночной экономики. В реалиях сегодняшнего дня вопрос о единстве и дифференциации гражданско-правовой ответственности стоит особенно остро. Круг рассмотренных в диссертации проблем показывает целостный взгляд соискателя на институт гражданско-правовой ответственности.

Комплексное рассмотрение гражданско-правовой ответственности является чрезвычайно актуальным, поскольку именно в этой сфере в наибольшей степени проявляется практическое значение гражданского права как действенного регулятора отношений, опосредующих статику и динамику гражданского оборота. Помимо принципов свободы договора, равенства участников регулируемых отношений, основными началами гражданского права являются также неприкосновенность собственности, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечение

восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Полноценное и последовательное соблюдение всех этих принципов невозможно без наличия в законодательстве и правоприменении эффективной системы мер гражданско-правовой ответственности. В то же время, действующее законодательство, и прежде всего Гражданский кодекс Российской Федерации, не содержит общих положений о гражданско-правовой ответственности, ограничиваясь лишь фрагментарным ее регулированием в виде норм о возмещении убытков (ст. 15 и 16 ГК РФ), а также главами 25 («Ответственность за нарушение обязательств») и 59 («Обязательства вследствие причинения вреда»).

В отсутствие выверенного подхода законодателя к определению видов и принципов гражданско-правовой ответственности в общих нормах ГК РФ наблюдается нескоординированность отдельных положений корпоративного и обязательственного права, приводящая в ряде случаев к смешению корпоративной, деликтной и договорной ответственности.

Сказанное в полной мере относится и к гражданско-правовой ответственности за нарушение корпоративных прав, сама категория которых в явном виде появилась в ГК РФ лишь с 2012 года вместе с включением в предмет гражданского права корпоративных отношений (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Отдельных норм ГК РФ об ответственности в сфере деятельности юридических лиц (ст. 53.1 ГК РФ) явно недостаточно для решения многих практических вопросов привлечения к гражданско-правовой ответственности различных субъектов в сфере деятельности юридических лиц. Дискуссионным остается вопрос о правовой природе соответствующих видов гражданско-правовой ответственности (договорной, деликтной или отдельной гражданско-правовой ответственности особого рода (*sui generis*)), который приходится решать едва ли не при каждом случае привлечения к ответственности за то или иное нарушение законодательства о юридических лицах.

Представленная диссертация особенно актуальна в связи с процессами реформирования законодательства о юридических лицах, начавшимися с принятия фактически новой редакции главы 4 ГК РФ, и продолжившимися внесением в отдельные законы о юридических лицах различных изменений, касающихся гражданско-правовой ответственности, в том числе во исполнение принимаемых Правительством Российской Федерации планов (дорожных карт) по совершенствованию корпоративного управления.

Учитывая изложенное, а также отсутствие в отечественной доктрине специальных научных исследований, посвященных общим вопросам гражданско-правовой ответственности в законодательстве о юридических лицах, актуальность представленной работы в целом не вызывает сомнений. Автором на примерах из судебной и законотворческой практики наглядно показано важное значение рассматриваемого вида гражданско-правовой ответственности (с. 124–135).

Содержащиеся в диссертации выводы и положения, выносимые на защиту, являются достоверными и достаточно аргументированными.

Разработанные автором положения о гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами («корпоративной ответственности»), несомненно, представляют собой первую в отечественной цивилистике попытку системно изложить фундаментальные основы учения о корпоративной ответственности.

Заслуживает поддержки отстаиваемая автором позиция о гражданско-правовой природе ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, и недопустимости конструирования ее по модели многоотраслевой «акционерной ответственности», регулируемой различными отраслями права, а также смешения ее с различными видами публично-правовой ответственности (административной, уголовной, налоговой, таможенной и т.д.), поскольку основанием корпоративной ответственности является не нарушение публичного порядка, а нарушение субъективных

гражданских прав и корпоративных (относительных) обязанностей, установленных нормами частного права.

В диссертации верно обращается внимание на целый ряд особенностей рассматриваемого вида гражданско-правовой ответственности и отдельных ее разновидностей.

Безусловный научный интерес и практическую ценность представляют собой обосновываемые в диссертации принципы, на которых, по мнению автора, должна выстраиваться вся система норм о корпоративной ответственности, среди которых особое значение имеет принцип раздельной имущественной ответственности юридического лица, с одной стороны, и его участников, членов органов управления и иных лиц – с другой («принцип отделения») (положение 2, выносимое на защиту).

Логичными и верными являются предложения автора о необходимости ограничительного применения в отечественном гражданском праве доктрины «снятия корпоративных покровов», которая может привести к подрыву этих принципов и отрицанию самой конструкции юридического лица (положения 2, 10 и 13, выносимые на защиту, с. 260–268).

Заслуживает внимания и предложение автора выделять в гражданском праве новую категорию управленческих договоров, обладающих своеобразной спецификой и требующих дополнительной правовой регламентации ответственности за их нарушение, а также – дальнейшего развития в законодательстве о юридических лицах (с. 396–418, положение 15, выносимое на защиту).

В положениях, выносимых на защиту, а также в тексте диссертации содержится множество политико-правовых предложений по совершенствованию норм о корпоративной ответственности как общего, так и частного характера, с большинством которых можно согласиться.

Представленная диссертация обладает **научной новизной**. По существу, она является первым в отечественной доктрине гражданского права целостным научным исследованием, составляющим основу общего учения о

гражданско-правовой ответственности в законодательстве о юридических лицах. При этом особо следует подчеркнуть, что предмет исследования выходит далеко за рамки корпоративных организаций, которыми ГК РФ ограничивает сферу корпоративных отношений (п. 1 ст. 2 ГК РФ), а охватывает весь спектр вопросов гражданско-правовой ответственности в любых юридических лицах, как корпоративных, так и унитарных. Это придает работе фундаментальный характер и делает ее значимой для развития теории юридических лиц в гражданском праве.

Помимо самого предмета исследования, новизна работы обусловлена целым рядом научных положений, касающихся самого существования корпоративной ответственности и отдельных ее аспектов.

В диссертации автором впервые высказывается предложение о необходимости кодификации всех норм о корпоративной ответственности для любых юридических лиц непосредственно в ГК РФ, сохраняя при этом пандектный принцип и формулируя как общие положения о корпоративной ответственности, так и специальные положения о различных ее видах.

О.В. Гутников является сложившимся ученым. Его научные достижения хорошо известны юридической общественности. Они подробно отражены в многочисленных работах, которые отличаются продуманной аргументацией и точностью сделанных выводов. Представленная для защиты диссертация не является исключением. Поэтому возникшие при ее прочтении вопросы не свидетельствуют о недостатках диссертационного исследования, а являются следствием различных взглядов оппонента и соискателя на ключевые проблемы, затронутые в работе.

Прежде всего, вызывает сомнение обоснованность квалификации автором всех корпоративных правоотношений как отношений по управлению юридическим лицом (с. 51- 54 и далее). Заметим, что идея об искусственном вычленении некоего организационно-управленческого элемента в рамках различных правоотношений имеет богатую историю. Она касается как вещных, так и обязательственных правоотношений.

Применительно к первым можно вспомнить попытки расширить содержание прав собственности за счет некоего правомочия по управлению вещью. Такой подход, не получивший широкого распространения, был подвергнут аргументированной критике. Так, С.М. Корнеев по этому поводу справедливо замечал, что управление не образует самостоятельного правомочия, а представляет собой лишь синтез распоряжения и пользования.

Сходные идеи в сфере обязательственного права высказывал О.А. Красавчиков, предложивший обособить так называемые организационные обязательства. Однако, они не получили поддержки в научном сообществе. Весомые аргументы против указанной позиции выдвинули О.С. Иоффе и С.Н. Братусь. Они утверждали, что нет оснований для отсечения «организованности», являющейся атрибутом общественных отношений, от последних и объявления ее особым гражданско-правовым организационным отношением. Прежде чем возникнуть в качестве сложившегося, имущественное отношение должно пройти через стадию формирования. Организационный этап как раз и является стадией формирования имущественного отношения. Помимо этого, отмечалось, что само по себе деление правоотношений на имущественные и организационные не лишено внутреннего противоречия, поскольку нельзя обособлять одни отношения (имущественные) только по признаку объекта, а другие (организационные) - только по признаку содержания.

В диссертации также предлагается обособить организационно-управленческое начало, но уже для выявления природы корпоративных правоотношений. Данная позиция представляется далеко не бесспорной. Управленческо-организующее начало присуще практически всем правоотношениям, что предопределено регулятивной функцией объективного права. Попытки его обособления всегда будут искусственными, поскольку фактически они направлены на обоснование тезиса об управлении ради управления и о регулировании ради регулирования.

Очевидно, что управление как таковое – всего лишь средство для достижения поставленных целей и в этом смысле оно всегда будет играть вспомогательную (обслуживающую) роль. Сами цели будут зависеть от разновидности юридического лица. В коммерческих организациях – это извлечение прибыли на постоянной основе. В некоммерческих организациях эти цели в подавляющем большинстве случаев также обусловлены имущественным фактором, поскольку такие юридические лица в основном призваны удовлетворять именно имущественные потребности.

В конечном итоге субъекты стремятся к получению управленческих правомочий для достижения имущественных целей. В коммерческих организациях они могут выражаться в обеспечении систематического распределения прибыли или, наоборот, в капитализации бизнеса. Заметим, что применительно к публичным акционерным обществам, где корпоративные правоотношения представляют особый интерес, значимость управленческих правомочий существует лишь для избранных мажоритариев. Для подавляющей массы рядовых акционеров участие в управлении не имеет никакого значения, отсюда и массовое игнорирование с их стороны общих собраний, о чем писал еще М.И. Кулагин. Вряд ли участники так называемого народного IPO, проведенного в свое время ВТБ, преследовали цель поучаствовать в управлении банком. Своего логического завершения постулат о минимальном влиянии рядовых акционеров на управление обществом достигает в концепции разделения функций собственности и управления, изложенной А. Берли и Г. Минзом в монографии «Современная корпорация и частная собственность», которая была опубликована еще в 1932 году.

Понимание сущности корпоративных правоотношений невозможно без понимания предназначения юридического лица, обладающего корпоративным устройством.

Корпорация как разновидность юридического лица служит правовой конструкцией, замещающей в гражданском обороте своих участников, которые, объединившись в корпоративную организацию, уже

не реализуют свои частные интересы посредством прямого участия в гражданском обороте, а получают удовлетворение своих потребностей через осуществление общего корпоративного интереса в процессе деятельности корпорации.

В данном случае непосредственное участие в гражданском обороте отдельных индивидов заменяется их участием в корпорации – прямого участника гражданского оборота.

Такое понимание природы корпорации можно обнаружить и в актах Конституционного Суда РФ. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 24 октября 1996 года № 17-П изложена следующая позиция: «...граждане и созданные ими объединения вправе обратиться с конституционной жалобой на нарушение прав... акционерное общество, товарищества и общество с ограниченной ответственностью, обратившиеся в Конституционный Суд Российской Федерации, по своей сути являются объединениями — юридическими лицами, которые созданы гражданами для совместной реализации таких конституционных прав, как право свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности...» (п. 2).

Корпорация — правовая конструкция, поэтому участие в ней опосредуется особыми правоотношениями, возникающими между организацией и ее участниками. Если непосредственный субъект гражданского оборота самостоятельно вступает в правоотношения с иными лицами, то участник корпорации, выбравший для себя опосредованное (через корпорацию) участие в обороте, вступает в правоотношения с корпорацией. Участие в корпорации возможно лишь посредством установления особых правоотношений, получивших наименование корпоративных.

Стремясь подчеркнуть управленческую, по сути, неимущественную составляющую корпоративных правоотношений, соискатель со ссылкой

на И.А. Покровского и на примере обязательств показывает якобы имеющуюся общую тенденцию расширения сферы неимущественных отношений в гражданском праве (с.65). С этим утверждением можно поспорить. Еще О.С. Иоффе наглядно показал, что имущественный характер обязательства определяется не объектом и не содержанием данного правоотношения, а мерами принудительного воздействия имущественного характера, применяемыми к должнику, нарушающему обязательство. Такое воздействие может быть выражено в возмещении убытков или взыскании неустойки. Если оно невозможно, то нет и самого обязательства. Поэтому даже сам тезис о существовании неимущественных обязательств требует дополнительной аргументации, не говоря уже о большем.

Сложно согласиться с мнением соискателя, что корпоративные правоотношения – это отношения субординации (власти-подчинения), которая носит особый характер, что не позволяет квалифицировать данные отношения в качестве публичных (с.20). В подтверждение своих слов автор ссылается на работы дореволюционных правоведов, в частности на труды А.И. Каминки. Думается, что это не совсем тот аргумент, к которому следует обращаться. Дело в том, что правовое положение тех же акционерных обществ определялось тогда не столько нормами закона, сколько административными предписаниями, издаваемыми отдельно для каждого общества в процессе утверждения устава. Этому способствовал разрешительный порядок создания акционерных обществ. Эти предписания, как отмечал профессор Л.И. Петражицкий, образовывали «что-то вроде обычного административного акционерного права, существующего независимо от действующего общего закона и вопреки ему».

Кроме того, выделение отношений власти-подчинения, построенных по методу «частноправовой субординации», нивелирует смысловую нагрузку таких правовых категорий как субординация и

координация, стирая, по сути, между ними грань. При таком подходе практически все гражданско-правовые отношения координации окажутся отношениями «частноправовой субординации». Классический пример – обязательства. По меткому выражению Ф.К. Савиньи: «обязательство состоит в господстве над чужим лицом, но не над всем лицом (иначе оно вело бы к уничтожению личности), а только над одиночными его действиями, которые могут быть представлены выделенными из свободы этого лица и подчиненными нашей воле». Где же здесь место классической координации, служащей верным критерием разграничения права на публичное и частное?

Признание особой «частноправовой субординации» ничего, кроме путаницы, не даст. Как верно заметил в свое время О.С. Иоффе, равенство субъектов гражданского правоотношения обуславливается не функцией, которая возлагается на них в конкретном правоотношении, а их общим гражданско-правовым статусом, которым они обладают до момента вступления в конкретное правоотношение. Соответственно, юридический статус субъектов отношения субординации определяется не характером их прав и обязанностей, а тем общим положением, которое они занимают в сфере публичного права и сообразно с которым между ними устанавливается конкретное юридическое отношение. В этом смысле корпоративные правоотношения являются классическим примером отношений координации.

Никак нельзя согласиться с выводом соискателя о том, что право на управление юридическими лицами является единым и в корпоративных организациях ничем не отличается от любого другого гражданского права с множественностью лиц на стороне управомоченного лица (с.89). Получается, что корпорации в управленческом правоотношении противостоит одна сторона, представленная множественностью лиц. Но проблема заключается в том, что тогда у этой множественности должны быть общие интересы и направленная на достижение единой цели воля.

Так, если на стороне продавца в договоре купли-продажи выступают несколько лиц, например сособственников, то все они преследуют единую цель передать вещь, являющуюся объектом общей собственности, и получить оплату за нее. Цели, как и интересы участников корпоративного управления могут существенным образом различаться. Они могут не совпадать даже у участников корпорации, отсюда и конфликты между мажоритариями и миноритариями, не говоря уже об иных субъектах, например третьих лицах в хозяйственном партнерстве.

Известно также, что отношения со множественностью лиц могут быть: долевыми, солидарными, и субсидиарными. Скорее всего, соискатель пишет о долевой множественности, поскольку ни субсидиарная, ни солидарная конструкция множественности не применима к управленческим правоотношениям. Но как определить долю в едином праве управления? Исходя из ее величины в уставном (складочном) капитале? Очевидно, что нет, хотя бы в силу абз.2 п.1 ст.66 ГК РФ и конструкции дополнительных прав, никак не связанных с долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (п.2 ст.8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Тогда каким образом? Соискатель не дает пояснений на этот счет.

Такая конструкция управленческого правоотношения не позволяет обосновать и проведенную соискателем классификацию управленческих правоотношений, возникающих, в частности, в связи с созданием юридического лица (с.102). Пока юридическое лицо не создано, не понятно, кто противостоит «множественности управомоченных лиц» и на кого возлагается обязанность, корреспондирующая единому праву на управление.

Требует дополнительной аргументации и признание соискателем такой категории как фидуциарная обязанность (с.153, 161 и т.д.). Не проще ли в данном случае говорить об общеправовой обязанности по соблюдению принципа добросовестности?

Изложенные выше соображения, однако, носят дискуссионный характер и не умаляют общей положительной оценки работы. Диссертация, безусловно, является научно-квалификационным трудом, выполненным автором самостоятельно и обладающим научной новизной, теоретической и практической ценностью. Цели и задачи исследования, обозначенные в диссертации, достигнуты в полном объеме.

Совокупность научных положений, выносимых на защиту, следует оценить как крупное научное достижение, представляющее собой основу учения о новом виде гражданско-правовой ответственности - корпоративной. По существу, диссертация содержит целостную концепцию корпоративной ответственности в гражданском праве и носит фундаментальный характер, имея при этом и большое практическое значение. Содержащиеся в диссертации идеи и предложения могут быть использованы как при непосредственном применении действующих норм о различных видах гражданско-правовой ответственности в законодательстве о юридических лицах, так и при дальнейшем совершенствовании законодательства.

Достоверность научных положений соискателя основана на глубоком изучении доктринальных источников, законодательства и судебной практики, и обусловлена применением широкого спектра методов научного познания. Результаты работы изложены в совокупности научных статей, опубликованных автором по теме диссертации в рецензируемых научных журналах, входящих в рекомендованный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки Российской Федерации перечень. Автореферат отражает содержание работы.

Диссертация Гутникова Олега Валентиновича на тему «Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами» на соискание ученой степени доктора юридических наук полностью выполнена в рамках паспорта научной специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Диссертация соответствует всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям в соответствии с Положением о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842), а ее автор – Гутников Олег Валентинович – заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Официальный оппонент:

Ломакин Дмитрий Владимирович

Профессор кафедры гражданского права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор.
Почтовый адрес: 119991 ГСП-1, Москва,
Ленинские горы, д. 1, строение 13 (4-й учебный корпус),
Ауд. 523А, 524 А,
Телефон: 8 (495) 939 53 20; 8 (495) 938-22-71
Адрес электронной почты: civil@law.msu.ru

«14» марта 2019 г.

ПОДПИСАТЕЛЯМ

«14 03 2019»

Ломакин Д. В.
С. В. Курашов